

1870-1890 годов. Проблемы типологии реализма. Свердловск, 1976. Вып. 9. С. 3-17.

Дергачев И.А. «Кризис» романного жанра. Поиски Мамина-Сибиряка // Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870 – 1890-х годов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 91-103.

Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 13.

История русской литературы второй половины XIX века / под ред. Н. И. Кравцова. М.: Просвещение, 1966.

Кирпотин В.Я. Пафос будущего. Статьи. М.: Сов. писатель, 1963.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Исследования и разборы / Институт филол. исследований и образоват. стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010.

Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Т. 2: 1889 - апрель 1891 // chegov.niv.ru/chegov/bio/letopis/letopis-1889-5.htm (дата обращения 11.03.2014).

Муратова К.Д. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. М.; Л.: Наука, 1966.

Скабичевский А.М. Наши новые беллетристические силы // Новости. 1885. № 84. 28 марта.

Толстой Л.Н. Дневник. 18 июля 1893 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1952. Т. 52.

Салтыков – Щедрин М.Е. Господа ташкентцы // Салтыков – Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 10 т. М.: Изд-во «Правда», 1988. Т. 3.

Цейтлин А.Г. Пути критического реализма в 80-е годы // История русской литературы: в 3 т. / под ред. Д.Д. Благого. М.: Наука, 1964. Т. 3.

Щенников Г.К., Щенникова Л.П. История русской литературы XIX века (70-90-е годы). М.: Высшая школа, 2005.

Мельникова А.В. (Екатеринбург)

Жанровое своеобразие малой прозы

Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.

Для Д. Н. Мамина-Сибиряка период 80-х гг. XIX в. явился необычайно важным и продуктивным: избранный писателем ранее (в период «первого дебюта», 1875–1877) оригинальный уральский материал в сочетании со становлением манеры письма и жанровыми поисками определили вектор всего последующего творческого развития уральского автора. Именно в 1880-е гг. были написаны известные романы уральского цикла – «Приваловские миллионы» (1883), «Горное гнездо» (1884), «Дикое счастье» (1884). Однако наряду с романами в это время появлялись и произведения малых эпических форм, изучение всего многообразия которых необходимо для более полного и глубокого понимания творчества Мамина. Кроме того, рассказы и очерки 1880-х гг.

являются своеобразным «полем» жанровых поисков и экспериментов, демонстрируют взаимопроникновение жанровых форм (очерк–рассказ–повесть), трансформацию жанровых номинаций в соответствии с художественными задачами.

Жанровой доминантой произведений Мамина-Сибиряка 1880-х гг. является очерк, что отчасти подчеркивалось и самим автором. Например авторское определение *Очерк...*, встречающееся чаще других, носят произведения, которые традиционно причисляются за счет объема и сюжетных особенностей к более крупным жанрам – роману, повести. Так, повесть «Максим Бенелявдов» (1883) в первом варианте с названием «Мертвая вода» имела подзаголовок *Очерк*, повесть «В горах» (1883) – подзаголовок *Очерк из Уральской жизни*; более поздний роман «Черты из жизни Пепко» (1894) имел подзаголовок *Очерки*. Здесь уместно привести замечание А. И. Груздева, согласно которому объем не имел решающего значения, так как очерки 1870–1880-х гг. могли достигать сопоставимых с романом или повестью размеров [см. Груздев 1963: 12–13]. То есть в данном случае неканоническая авторская жанровая номинация была призвана привлечь внимание читателя к используемым особенностям очерка как жанра. К таким особенностям относится, по мысли И. А. Дергачева, утверждаемое в очерке достоинство факта, внимание к детали, а также пластичность жанра [см. Дергачев 1976: 13–14], позволяющая автору вводить сиюминутный материал, не определенный каноном, реальность жизни, а не литературный вымысел.

Стремление к документальной точности, а также к детальному описанию местности в качестве ярких примет очерка особенно отчетливо воплощается в произведениях Мамина 1880-х гг., объединенных мотивом дороги, путешествия. Жанр травелога реализуется у Мамина-Сибиряка в разнообразных типологических разновидностях: записных книжках, путевых заметках, картинках, летних экскурсиях и даже скитаниях. Жанр задает основные векторы повествования: по замечанию Ю. М. Проскуриной, «...личный повествователь соответствует жанровой природе очерка» [Проскурина 1989: 33], а наличие повествователя-странствователя является приметой жанра путешествия. Для путевых очерков Мамина 1880-х гг. характерна активная позиция автора-повествователя, выражающаяся в его деятельной композиционной роли, а также в эмоциональной окраске повествования.

Присутствующая при этом очерковая документальность не ослабляет художественной мощи произведений. Учитывая наблюдение Н. И. Глушкова, согласно которому «документальность – важная, но далеко не определяющая черта в очерке» [Глушков 1966: 29], можно отметить, что очерковая манера Мамина претерпевает определенные изменения в течение 80-х гг. XIX в. Например, в текстах так называемого «второго дебюта» (1881–1882) можно встретить множество статистически точных описаний такого рода: «Настоящие большие барки ходят по Чусовой только раз в году... <...> они имеют в длину 18 сажень, по-

крыты сплошной палубой и вмещают до 15,000 пудов груза...» [Мамин-Сибиряк 2002: 446]. Таких описаний становится неизбежно меньше в середине и в конце 1880-х гг. То есть степень документальности в общепринятом значении, степень внимания к факту изменяется, происходит беллетризация очерка, что можно рассматривать и как отказ от репортажности и сиюминутности, стремление к универсализации текста.

Мамин-Сибиряк, по замечанию И. А. Дергачева, «чувствует недостаточность жанрового определения» [Дергачев 1980: 439], поэтому часто наделяет тексты рассматриваемого периода специфическими жанровыми предувещаниями, выполняющими различные функции, в зависимости от чего их можно распределить на следующие группы:

1) авторские номинации, формирующие у читателя своеобразный «жанровый контекст», вписывающие текст в определенную традицию – например, травелога, святочного / охотничьего рассказа, сказки (*Путевые заметки, Святочный рассказ, Из записок охотника, Сказка*);

2) авторские номинации, фиксирующие географическую локализацию или акцентирующие внимание на отличительных особенностях Урала (*Из путешествия по реке Чусовой, Из жизни на Урале; Очерки из заводских нравов, Из старообрядческих мотивов, Из рассказов о золоте*);

3) авторские номинации, отражающие «незавершенность, неоконченность художественной мысли» [Дергачев 1976: 32] (*Страничка из жизни Урала, Сцена с натуры, Этюд с натуры*);

4) авторские номинации, указывающие на очерковую основу произведения (*Очерк из жизни Среднего Урала, Очерки захолустного быта, Очерк и т. д.*).

Подобные жанровые номинации в итоге, открывая текст и формируя читательские ожидания, позволяют маминскому очерку аккумулировать в себе многообразие жанров для решения различных художественных задач. По наблюдениям Л. М. Слобожаниновой, «опыт Мамина-Сибиряка убеждает в существовании индивидуальной системы жанровых форм», при этом «неоднозначность жанров диктуется характером самого творческого материала» [Слобожанинова 2013: 96]. Широта жанрового диапазона обусловлена динамичностью, подвижностью жизненных явлений, попадающих в поле зрения автора-повествователя. Неокончателность, некоторая эскизность, присущая разножанровым текстам Мамина 1880-х гг., бывает обусловлена также сюжетно – повествователь-наблюдатель рассказывает или вспоминает о своих многочисленных встречах с разными людьми: это юродивые и блаженные, купцы, золотопромышленники, рабочие приисков, сплавщики и т. д. Подобные встречи, как правило, бывают кратковременными, что объясняет и открытые «прерванные» финалы. Такая актуализация в письме личного опыта, свойственная, по мнению Е. К. Созиной, литературе 1880–90-х гг., обуславливала и закономерное обращение к жанру очерка [см. Созина 2007: 15].

Стоит сказать, что авторские жанровые номинации-подзаголовки однако далеко не всегда можно понимать как вспомогательные «ключи» к восприятию последующего текста. Напротив, некоторые из таких предведомлений могут вводить в заблуждение или содержать определенную долю иронии. Например, авторский подзаголовок *Из записок охотника* (очерк «В болоте») сужает читательский «горизонт ожидания» [Современное зарубежное литературоведение 1999: 27] до пределов традиции охотничьего нарратива в русской литературе, однако автор использует здесь образ охотника всего лишь как обрамляющий автобиографическое повествование другого персонажа – Матрены. Еще один пример – подзаголовок *Очерки литературной богемы*. В очерке «Волчий хлеб», к которому относится названный подзаголовок, представлено автобиографическое воспоминание повествователя вовсе не о богемной, а о нелегкой жизни молодого литератора в Петербурге.

По точному замечанию И. А. Дергачева, «при всем разнообразии содержания маминские рассказы восьмидесятых и частично девяностых имеют однородную или близкую художественную структуру» [Дергачев 2005: 37]. Одним из показателей такого художественного единства выступают, в частности, одинаковые или схожие жанровые характеристики: подзаголовки *Из летних рассказов* имеют сразу два текста «Коробкин» и «Ната» (оба – 1885); подзаголовки *Из летних экскурсий по Уралу* и *Из летних скитаний по Уралу* – очерки «Дешевка» (1885) и «Горой» (1886) соответственно. Естественно, что наделение нескольких текстов такими неканоническими жанровыми характеристиками может свидетельствовать о желании «закрепить жанр», ввести его в круг употребимых. Именно заголовки и подзаголовки обозначают начальную границу восприятия, задают основную смысловую и эмоциональный тон, в данном случае на основе жанровой, локальной близости объединяют разные произведения. Географические наименования в авторских предведомлениях, которые, пожалуй, встречаются чаще других, задают пространственный вектор и в то же время объединяют названные очерки, выступая своего рода жанровым метатекстом, вынесенным автором в заголовок/подзаголовок.

Некоторые тексты («Блажные» (1885), «Волчий хлеб» (1886) и т. д.) имеют подзаголовки *Очерки...*, что отчасти объясняет свободную повествовательную организацию. По мнению И. А. Дергачева, «...множественное число – очерки – означало стремление указать на своеобразие сюжета, состоящего как бы из относительно самостоятельных повествований» [Дергачев 1977: 61]. Под относительно самостоятельными повествованиями в данном случае можно понимать и разновременные пласты, соединяемые художником в одном тексте (ретроспективное повествование), и сознательное членение материала на главы, и включение автором-повествователем – наряду с изложением фабульной линии – обобщений, неких рефлексий по поводу. Так, очерк «Блажные» с подзаголовком *Очерки из заводских нравов* включает в себя четыре части, вторая глава представляет воспоминание

повествователя об известных ему блажных Черемшанского завода, весь текст пронизывают авторские выводы-заключения, подобные таким: «Тип крепостных дураков, как все менее рельефное и яркое, оказался живучее и доживает теперь свои последние дни в виде живого памятника о “добром старом времени”» [Мамин-Сибиряк 2007: 242].

Широкий жанровый диапазон произведений данного периода подтверждается наличием публицистического начала: так, очерк «Один из анекдотических людей» *Из уральской летописи* (1885) напоминает газетную статью-фельетон о П. П. Демидове. Таким образом, если в начале 1880-х гг. в малых эпических формах Маминым активно используется документально-очерковая основа с привлечением факта, то с середины 1880-х гг. активно начинает проявлять себя публицистичность. Факты и современные писателю реалии подвергаются обработке, для чего Маминым-Сибиряком выбирается соответствующая повествовательная форма, которую условно можно назвать «мы-публицистическое»: «Мы этот разговор привели с той целью, чтобы показать, какими невозможными условиями обставлено у нас практическое применение “устава о частной золотопромышленности”» [Мамин-Сибиряк 2007: 268].

Итак, Д. Н. Мамин-Сибиряк в 1880-е гг. вырабатывает свободную форму жанровой организации с очерковой доминантой в основе. Стремление Мамина к очерковости было продиктовано и общелитературной ситуацией, и самим художественным своеобразием малой прозы, оно сохранится и в дальнейшем. Имеющиеся авторские неканонические жанровые определения, относящиеся к произведениям Мамина-Сибиряка 1880-х гг., максимально конкретизированы, а некоторые из них отсылают к традиционным жанровым дефинициям (например, святочный рассказ, путевые заметки и т. д.), что позволяет говорить о широте жанрового диапазона малой прозы Мамина 1880-х гг. Несмотря на то, что очерк характеризуется «экземплярностью», чередованием картин жизни, «мобильностью», тексты у Мамина не рассыпаются на голоса и истории, и во многом это обусловлено фигурой автора-повествователя.

Литература:

Глушков Н. И. Очерк в русской литературе. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1966.

Груздев А. И. На пути к реализму (раннее творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка). Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1963.

Дергачев И. А. Динамика повествовательных жанров русской прозы 70–90-х годов XIX века // Русская литература 1870–1890-х гг. Вып. 9: Проблемы типологии реализма. Свердловск, 1976. С. 3–17.

Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк: Личность. Творчество. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1977.

Дергачев И. А. В начале восьмидесятых // Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Очерки и рассказы. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1980. С. 428–439.

Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890 х гг. Новосибирск: СО РАН, 2005.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007.

Проскурина Ю. М. Образ автора в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка начала восьмидесятых годов XIX века // Д. Н. Мамина-Сибиряк – художник: сб. научн. тр., Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. С. 31–38.

Слобожанинова Л. М. Типология малых жанров в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения, Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013. С. 96–108.

Современное зарубежное литературоведение: концепции, школы, термины. М.: Intrada, 1999.

Созина Е. К. «Лицо» и «образ» автора в произведениях писателей Урала конца XIX – начала XX века // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 3. Т. 1. Екатеринбург: УрО РАН; ИД «Союз писателей», 2007. С. 9–34.

Сергеева И.С. (Екатеринбург)

**Жанровые традиции в рассказе Ф.М. Достоевского
«Ёлка и свадьба»**

Опубликованный в журнале «Отечественные записки» (1848, №9) рассказ «Ёлка и свадьба» представляет собой «записки неизвестного» литератора, рассказывающего о происшествии, свидетелем которого он стал однажды на новогоднем детском балу. Один из присутствующих на празднике, принадлежащих к числу «почётных» гостей, за которым как-то особенно «любезно» «ухаживали» хозяева дома, – далеко не молодой уже человек, чиновник Юлиан Мастакович – присмотрел среди играющих детей «девочку лет одиннадцати» - дочь «богатого откупщика». Подсчитав, тут же на празднике, процент с приданого, который «набежит» за пять лет, Юлиан Мастакович, сведя тесное знакомство с родителями, стал ухаживать за девочкой («решительно» заигрывать с «будущей невестой»), чем смертельно напугал бедного ребенка. Ровно через пять лет (когда героине рассказа только-только исполнится шестнадцать) повествователь случайно становится очевидцем осуществления этой заранее спланированной «коммерческой сделки» – венчания юной девушки, почти ещё девочки, и «маленького, кругленького, сытенького» господина «с брюшком» весьма солидного возраста.